

ВЕЧНАЯ ПОЭЗИЯ

ВЕЛИМИР
ХЛЕБНИКОВ

Спиртки судьбы

Велимир Хлебников
Спички судьбы
Серия «Вечная поэзия»

Издательский текст

<https://litres.ru/51367724>

Спички судьбы: Издательство АСТ; М.; 2019

ISBN 978-5-17-119617-2

Аннотация

<p>Велимир Хлебников – русский поэт и прозаик, один из крупнейших деятелей русского и мирового авангарда. Его творчество отличается своеобразным стилем, языковыми экспериментами, поисками новых путей в различных литературных жанрах и формах. Основной предмет его произведений – Россия, ее народ, ее история и природа. В данный сборник вошли стихи и поэмы разных лет.</p>

Содержание

I часть: «Чурель! Чарель!»	8
«Люди, когда они любят...»	8
«Мы чаруемся и чураемся...»	9
«Я славлю лёт его насилий...»	10
«Вечер. Тени...»	11
«Стенал я, любил я, своей называл...»	12
«Бобэоби пелись губы...»	13
Вам	14
«Там, где жили свиристели...»	17
«И я свирел в свою свирель...»	18
«Огнивом-сечивом высек я мир...»	19
«Мне спойте про девушек чистых...»	20
«Мизинич, миг...»	21
«Кому сказатеньки...»	22
«Крылышкуя золотописьмом...»	23
«Чудовище – жилец вершин...»	24
Опыт жеманного	25
«Вы помните о городе, обиженном в чуде...»	26
«В тебе, любимый город...»	28
«Я не знаю, Земля кружится или нет...»	29
Трущобы	30
«Мы желаем звездам тыкать...»	32
«Мои глаза бредут, как осень...»	33

«Когда над полем зеленеет...»	34
«Снежно-могучая краса...»	35
Ирония встреч	36
«Зеленый леший – бух лесиный...»	37
«Когда умирают кони – дышат...»	38
«Когда рога оленя поднимаются над зеленью...»	39
Па-люди	40
«Гонимый – кем, почему я знаю?...»	41
Из песен гайдамаков	44
Числа	45
Перевертень (Кукси, кум мук и сук)	46
Семеро	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

**Велимир Владимирович
Хлебников
Спички судьбы**

© ООО «Издательство АСТ», 2019

I часть: «Чурель! Чарель!»

«Люди, когда они любят...»

Люди, когда они любят,
Делающие длинные взгляды
И выпускающие длинные вздохи.
Звери, когда они любят,
Наливающие в глаза муть
И делающие удила из пены.
Солнца, когда они любят,
Закрывающие ночи тканью из земель
И шествующие с пляской к своему другу.
Боги, когда они любят,
Замыкающие в меру трепет вселенной,
Как Пушкин – жар любви горничной Волконского.

«Мы чаруемся и чураемся...»

Мы чаруемся и чураемся.
Там чаруясь, здесь чураясь.
То чурахарь, то чарахарь.
Здесь чуриль, там чариль.
Из чурыни взор чарыни.
Есть чуравель, есть чаравель.
Чарари! Чурари!
Чурель! Чарель!
Чареса и чуреса.
И чурайся, и чаруйся.

«Я славлю лёт его насилий...»

Я славлю лёт его насилий,
Тех крыл, что в даль меня носили,
Свод синезначимой свободы,
Под круги солнечных ободий,
Туда, под самый-самый верх,
Где вечно песен белый стерх.

«Вечер. Тени...»

Вечер. Тени.

Сени. Лени.

Мы сидели, вечер пья.

В каждом глазе – бег оленя,

В каждом взоре – лёт копыя.

И когда на закате кипела вселенская ярь,

Из лавчонки вылетел мальчонка,

Провожаемый возгласом: «Жарь!»

И скорее справа, чем правый,

Я был более слово, чем слева.

«Стенал я, любил я, своей называл...»

Стенал я, любил я, своей называл
Ту, чья невинность в сказку вошла,
Ту, что о мне лишь цвела и жила
И счастьем нас отдала <...>
Но Крысолов верховный «крыса» вскрикнул
И кинулся, лаем длившись, за «крысой» —
И вот уже в липах небога,
И зыбятся свечи у гроба.

«Бобэоби пелись губы...»

Бобэоби пелись губы,
Вээоми пелись взоры,
Пиээо пелись брови,
Лиэээй пелся облик,
Гзи-гзи-гзэо пелась цепь.
Так на холсте каких-то соответствий
Вне протяжения жило Лицо.

Вам

Могилы вольности – Каргебиль и Гуниб
Были соразделителями со мной единых зрелищ,
И, за столом присутствуя, они б
Мне не воскликнули б: «Что, что, товарищ, мелешь?»
Боец, боровшийся, не поборов чуму,
Пал около дороги круторогий бык,
Чтобы невопрошающих – к чему?
Узнать дух с радостью владык.
Когда наших коней то бег, то рысь вспугнули их,
Чару рассеянно-гордых орлов,
Ветер, неосязуемый для нас и тих,
Вздымал их царственно на гордый лов.
Вселенной повинуюся указу,
Вздымался гор ряд долгий.
И путешествовал по Кавказу,
И думал о далекой Волге.
Конь, закинув резво шею,
Скакал по легкой складке бездны.
С ужасом, в борьбе невольной хорошея,
Я думал, что заниматься числами над бездною полезно.
Невольны числа и слагал,
Как бы возвратясь ко дням творенья,
И вычислил, когда последний галл
Умрет, не получив удовлетворенья.
Далёко в пропасти шумит река,

К ней бело-красные просыпались мела,
Я думал о природе, что дика
И страшной прелестью мила.
Я думал о России, которая сменой тундр, тайги, степей
Похожа на один божественно звучащий стих,
И в это время воздух освободился от цепей
И смолк, погас и стих.
И вдруг на веселой площадке,
Которая, на городскую торговку цветами похожа,
Зная, как городские люди к цвету падки,
Весело предлагала цвет свой прохожим, —
Увидел я камень, камню подобный, под коим пророк
Похоронен; скошен он над плитой и увенчан чалмой.
И мощи старинной раковины, изогнуты в козлиный рог,
На камне выступали; казалось, образ бога камень
увенчал мой.
Среди гольцов, на одинокой поляне,
Где дикий жертвенник дикому богу готов,
Я как бы присутствовал на моляне
Священному камню священных цветов.
Свершался предо мной таинственный обряд.
Склоняли голову цветы,
Закат был пламенем объят,
С раздумьем вечером свиты...
Какой, какой тысячекост,
Грознокрылат, полуморской,
Над морем островом подъемлет хвост,
Полунеземной объят тоской?
Тогда живая и быстроглазая ракушка была его свидетель,

Ныне – уже умерший, но, как и раньше, зоркий камень,
Цветы обступили его, как учителя дети,
Его – взиравшего веками.

И ныне он, как с новгородичами, беседует о водяном
И, как Садко, берет на руки ветхогусли —
Теперь, когда Кавказом, моря ощеренным дном,
В нем жизни сны давно потускли.

Так, среди «Записки кушетки» и «Нежный Иосиф»,
«Подвиги Александром» ваяете чудесными руками —
Как среди цветов колосьев
С рогом чудесным виден камень.

То было более чем случай:

Цветы молилися, казалось, пред времен давно
прошедших слом

О доле нежной, о доле лучшей:

Луга топтались их ослом.

Здесь лег войною меч Искандров,

Здесь юноша загнал народы в медь,

Здесь истребил победителя леса ндрав

И уловил народы в сеть.

«Там, где жили свиристели...»

Там, где жили свиристели,
Где качались тихо ели,
Пролетели, улетели
Стая легких времирей.
Где шумели тихо ели,
Где поюны крик пропели,
Пролетели, улетели
Стая легких времирей.
В беспорядке диком теней,
Где, как морок старых дней,
Закружились, зазвенели
Стая легких времирей.
Стая легких времирей!
Ты поюнна и вабна,
Душу ты пьянишь, как струны,
В сердце входишь, как волна!
Ну же, звонкие поюны,
Славу легких времирей!

«И я свирел в свою свирель...»

И я свирел в свою свирель,

И мир хотел в свою хотель.

Мне послушные свивались звезды в плавный кружеток.

И свирел в свою свирель, выполняя мира рок.

«Огнивом-сечивом высек я мир...»

Огнивом-сечивом высек я мир,
И зыбку-улыбку к устам я поднес,
И куревом-маревом дол озарил,
И сладкую дымность о бывшем вознес.

«Мне спойте про девушек чистых...»

Мне спойте про девушек чистых,
Сих спорщиц с черемухой-деревом,
Про юношей стройно-плечистых:
Есть среди вас они – знаю и верю вам.

«Мизинич, миг...»

Мизинич, миг,
Скользнув среди двух часов,
Мне создал поцелуйный лик,
И крик страстей, и звон оков.
Его, лаская, отпустил,
О нем я память сохранил,
О мальчике кудрявом.
И в час работ,
И в час забавы
О нем я нежно вспоминаю
И, ласкою отменной провожая,
Зову, прошу:
«Будь гостем дорогим!»

«Кому сказатеньки...»

Кому сказатеньки,
Как важно жила барынька?
Нет, не важная барыня,
А, так сказать, лягушечка:
Толста, низка и в сарафане,
И дружбу вела большевитую
С сосновыми князьями.
И зеркальные топила
Обозначили следы,
Где она весной ступила,
Дева ветреной воды.

«Крылышкауа золотописьмом...»

Крылышкауа золотописьмом
Тончайших жил,
Кузнечик в кузов пуза уложил
Прибрежных много трав и вер.
«Пинь, пинь, пинь!» – тарарахнул зинзивер.
О, лебедиво!
О, озари!

«Чудовище – жилец вершин...»

Чудовище – жилец вершин
С ужасным задом —
Схватило несшую кувшин
С прелестным взглядом.
Она качалась, точно плод,
В ветвях косматых рук.
Чудовище, урод,
Довольно, тешит свой досуг.

Опыт жеманного

Я нахожу, что очаровательная погода,
И я прошу милую ручку
Изящно переставить ударение,
Чтобы было так: смерть с кузовком идет по годá.
Вон там на дорожке белый встал и стоит виденнега!
Вечер ли? Дерево ль? Прихоть моя?
Ах, позвольте мне это слово в виде неги!
К нему я подхожу с шагом изящным и отменным.
И, кланяясь, зову: если вы не отрицаете значения
любви чар,
То я зову вас на вечер.
Там будут барышни и панны,
А стаканы в руках будут пенны.
Ловя руками тучку,
Ветер получает удар ея, и не я,
А согласно махнувшие в глазах светляки
Мне говорят, что сношенья с загробным миром легки.

«Вы помните о городе, обиженном в чуде...»

Вы помните о городе, обиженном в чуде,
Чей звук так мило нежит слух
И взятый из языка старинной чуди.
Зовет увидеть вас пастух
С свирелью сельской (есть много неги в сельском
имени),
Молочный скот с обильным выменем,
Немного робкий перейти реку, журчащий брод.
Все это нам передал в названьи чужой народ.
Пастух с свирелью из березовой коры
Ныне замолк за грохотом иной поры.
Где раньше возглас раздавался мальчишески —
прекрасных труб,
Там ныне выси застит дыма смольный чуб.
Где отражался в водах отсвет коровьих ног,
Над рекой там перекинут моста железный полувенчик.
Раздору, плахам – вчера и нынче – город ясли.
В нем дружбы пепел и зола, истлев, погасли.
Когда-то, понутив голову, стрелец безмолвно
шептал за плахой.
Не о нем ли в толпе многоголосой девичий
голос заплакал?
В прежних сил закат,

К работе призван кат.

А впрочем, все страшней и проще:

С плодами тел казенных на полях не вырастают роши.

Казнь отведена в глубь тайного двора —

Здесь на нее взирает детвора.

Когда толпа шумит и веселится,

Передо мной всегда казенных лица.

Так и теперь: на небе ясном тучка —

Я помню о тебе, боярин непокорный Кучка!

«В тебе, любимый город...»

В тебе, любимый город,

Старушки что-то есть.

Уселась на свой короб

И думает поесть.

Косынкой замахнулась – косынка не простая:

От и до края летит птиц черная стая.

«Я не знаю, Земля кружится или нет...»

Я не знаю, Земля кружится или нет,
Это зависит, уложится ли в строчку слово.
Я не знаю, были ли мо<ими> бабушкой и дедом
Обезьяны, т<ак> к<ак> я не знаю, хочется ли мне
сладкого или кислого.
Но я знаю, что я хочу кипеть и хочу, чтобы солнце
И жилу моей руки соединила общая дрожь.
Но я хочу, чтобы луч звезды целовал луч моего глаза,
Как олень оленя (о, их прекрасные глаза!).
Но я хочу, чтобы, когда я трепещу, общий трепет
приобщился вселенной.
И я хочу верить, что есть что-то, что остается,
Когда косу любимой девушки заменить, напр<имер>,
временем.
Я хочу вынести за скобки общего множителя,
соединяющего меня,
Солнце, небо, жемчужную пыль.

Трущобы

Были наполнены звуком трущобы,
Лес и звенел и стонал,
Чтобы
Зверя охотник копьем доконал.
Олень, олень, зачем он тяжело
В рогах глагол любви несет?
Стрелы вспорхнула медь на ляжку,
И не ошибочен расчет.
Сейчас он сломит ноги оземь
И смерть увидит прозорливо,
И кони скажут говорливо:
«Нет, не напрасно стройных возим».
Напрасно прелестью движений
И красотой немного девьего лица
Избегнуть ты стремился поражений,
Копьем искавших беглеца.
Все ближе конское дыханье
И ниже рог твоих висенье,
И чаще лука трепыханье,
Оленю нету, нет спасенья.
Но вдруг у него показались грива
И острый львиный коготь,
И беззаботно и игриво
Он показал искусство трогать.
Без несогласья и без крика

Они легли в свои гробы,
Он же стоял с осанкою владыки —
Были созерцаемы поникшие рабы.

«Мы желаем звездам тыкать...»

Мы желаем звездам тыкать,
Мы устали звездам выкать,
Мы узнали сладость рыкать.
Будьте грозны, как Остраница,
Платов и Бакланов,
Полно вам кланяться
Роже басурманов.
Пусть кричат вожаки,
Плюньте им в зенки!
Будьте в вере крепки,
Как Морозенки.
О, уподобьтесь Святославу —
Врагам сказал: «Иду на вы!»
Померкнувшую славу
Творите, северные львы.
С толпою прадедов за нами Ермак и Ослябя.
Вейся, вейся, русское знамя,
Веди через сушу и через хляби!
Туда, где дух отчизны вымер
И где неверия пустыня,
Идите грозно, как Владимир
Или с дружиною Добрыня.

«Мои глаза бредут, как осень...»

Мои глаза бредут, как осень,
По лиц чужим полям,
Но я хочу сказать вам – мира осям:

«Не позволяю».

Хотел бы шляхтичем на сейме,
Руку положив на рукоятку сабли,
Тому, отсвет желаний чей мы,
Крикнуть, чтоб узы воль ослабли.
Так ясновельможный пан Сапега,
В гневе изумленном возрастая,
Видит, как на плечо белее снега
Меха надеты горностоя.
И падает, шатаясь, пан
На обгаренный свой жупан...

«Когда над полем зеленеет...»

Когда над полем зеленеет
Стеклянный вечер, след зари,
И небо, бледное вдали,
Вблизи задумчиво синее,
Когда широкая зола
Угасшего кострища
Над входом в звездное кладбище
Огня ворота возвела, —
Тогда на белую свечу,
Мчась по текущему лучу,
Летит без воли мотылек.
Он грудью пламени коснется,
В волне огнистой окунется,
Гляди, гляди, и мертвый лег.

«Снежно-могучая краса...»

Снежно-могучая краса
С красивым сном широких глаз,
Твоя полночная коса
Предстала мне в безумный час.
Как обольстителен и черен
Сплетенный радостью венок,
Его оставил, верно, ворон,
В полете долгом одинок.
И стана белый этот снег
Не для того ли строго пышен,
Чтоб человеку человек
Был звук миров, был песнью слышен.

Ирония встреч

Ты высокомерно улыбнулась
На робкий приступ слов осады,
И ты пошла, не оглянулась,
Полна задумчивой досады.
Да! Дерзко королеву просить склонить
Блеск гордых губ.
Теперь я встретился. Угодно изменить
Судьбе тебя: ты изучала старый труп.

«Зеленый леший – бух лесиный...»

Зеленый леший – бух лесиный
Точил свирель,
Качались дикие осины,
Стенала благостная ель.
Лесным пахучим медом
Помазал кончик дня
И, руку протянув, мне лед дал,
Обманывая меня.
И глаз его – тоски сосулек —
Я не выносил упорный взгляд:
В них что-то просит, что-то сұлит
В упор представшего меня.
Вздымались руки-грабли,
Качалася кудель
И тела стан в морщинах дряблый,
И синяя видель.
Я был ненароком, спеша,
Мои млады лета,
И, хитро подмигнув, лешак
Толкнул меня: «Туда?»

«Когда умирают кони – дышат...»

Когда умирают кони – дышат,
Когда умирают травы – сохнут,
Когда умирают солнца – они гаснут,
Когда умирают люди – поют песни.

«Когда рога оленя подымаются над зеленью...»

Когда рога оленя подымаются над зеленью,
Они кажутся засохшее дерево.
Когда сердце н<о>чери обнажено в словах,
Бают: он безумен.

Па-люди

Птица, стремясь ввысь,
Летит к небу,
Панна, стремясь ввысь,
Носит высокие каблуки.
Когда у меня нет обуви,
Я иду на рынок и покупаю ее.
Когда у кого-нибудь нет носу,
Он покупает воску.
Когда у народа нет души,
Он идет к соседнему
И за плату приобретает ее —
Он, лишенный души!..

«Гонимый – кем, почему я знаю?...»

Гонимый – кем, почему я знаю?
Вопросом: поцелуев в жизни сколько?
Румынкой, дочерью Дуная,
Иль песнью лет про прелесть польки, —
Бегу в леса, ущелья, пропасти
И там живу сквозь птичий гам.
Как снежный сноп, сияют лопасти
Крыла, сверкавшего врагам.
Судеб виднеются колеса
С ужасным сонным людям свистом.
И я, как камень неба, несся
Путем не нашим и огнистым.
Люди изумленно изменяли лица,
Когда я падал у зари.
Одни просили удалиться,
А те молили: «Озари».
Над юга степью, где волны
Качают черные рога,
Туда, на север, где стволы
Поют, как с струнами дуга,
С венком из молний белый черт
Летел, крутя власы бородки:
Он слышит вой власатых морд
И слышит бой в сквородки.
Он говорил: «Я белый ворон, я одинок,

Но всё – и черную сомнений ношу,
И белой молнии венок —
Я за один лишь призрак брошу:
Взлететь в страну из серебра,
Стать звонким вестником добра».
У колодца расколоться
Так хотела бы вода,
Чтоб в болотце с позолотцей
Отразились повода.
Мчась, как узкая змея,
Так хотела бы струя,
Так хотела бы водица
Убегать и расходиться,
Чтоб, ценой работы добыты,
Зеленее стали чёботы,
Черноглазые, ея.
Шепот, ропот, неги стон,
Краска темная стыда,
Окна, избы с трех сторон,
Воют сытые стада.
В коромысле есть цветочек,
А на речке синей челн.
«На, возьми другой платочек,
Кошелек мой туго полн». —
«Кто он, кто он, что он хочет?
Руки дики и грубы!
Надо мною ли хохочет
Близко тяткиной избы?
Или? Или я отвечу

Чернооку молодцу, —
О, сомнений быстрых вече, —
Что пожалуюсь отцу?
Ах, юдоль моя гореть».
Но зачем устами ищем
Пыль, гонимую кладбищем,
Знойным пламенем стереть?
И в этот миг к пределам горшим
Летел я, сумрачный, как коршун.
Воззреньем старческим глядя на вид земных шумих,
Тогда в тот миг увидел их.

Из песен гайдамаков

«С нависня ан летит, бывало, горинѳж,
В заморских чѳботах мелькают ноги,
А пани, над собой увидев нож,
На землю падает, целует ноги.
Из хлябей вынырнет усатый пан моржом,
Чтоб простонать: «Santa Maria!»
Мы ж, хлопцы, весело заржем
И топим камнями в глубинах Чартория.
Панов сплавляем по рекам,
А дочери ходили по рукам.
Была веселая пора,
И с ставкою большою шла игра.
Пани нам служит как прачка-наймитка,
А пан плывет, и ему на лицо садится кигитка».
– Нет, старче, то негоже:
Парча отстоит от рогожи.

Числа

Я всматриваюсь в вас, о, числа,
И вы мне видите одетыми в звери, в их шкурах,
Рукой опирающимися на вырванные дубы.
Вы даруете единство между змееобразным
движением
Хребта вселенной и пляской коромысла,
Вы позволяете понимать века, как быстрого
хохота зубы.
Мои сейчас вещеобразно разверзлися зеницы
Узнать, что будет Я, когда делимое его – единица.

Перевертень (Кукси, кум мук и скук)

Кони, топот, инок,
Но не речь, а черен он.
Идем, молод, долом меди.
Чин зван мечом навзничь.
Голод, чем меч долог?
Пал, а норов худ и дух вóрона лап.
А что? Я лов? Воля отча!
Яд, яд, дядя!
Иди, иди!
Мороз в узел, лезу взором.
Солов зов, воз волос.
Колесо. Жалко поклаж. Оселок.
Сани, плот и воз, зов и толп и нас.
Горд дох, ход дрог.
И лежу. Ужели?
Зол, гол лог лоз.
И к вам и трем с смерти мавки.

Семеро

1

Хребтом и обличьем зачем стал подобен коню,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.